

ЛЕБЕДЕВ Юрий Владимирович —

доктор филологических наук, профессор Костромского государственного педагогического университета, автор учебников и статей по отечественной литературе

y.v.lebedev@yandex.ru

САМОНАДЕЯННЫЙ УМ И САМОВЛЮБЛЁННОЕ СЕРДЦЕ В КОМЕДИИ «ГОРЕ ОТ УМА» А.С.ГРИБОЕДОВА

Аннотация. Две ветви русского романтизма начала XIX века воплощены у Грибоедова в образах Чацкого и Софьи.

Ключевые слова: возрожденческий универсализм личности Грибоедова, самонадеянный ум Чацкого и самовлюблённое сердце Софьи.

Abstract. The two branches of Russian Romanticism of the early XIXth century are embodied in the images of Gribojedov's Chatsky and Sophia.

Tags: revivalist, universalism of Gribojedov's personality, presumptuous Chatsky's mind and narcissistic Sofia's heart.

Нередко и у любителей русской литературы, и у профессиональных знатоков её возникает вопрос: почему столь одарённый человек, великий писатель создал всего лишь одну комедию «Горе от ума», вошедшую в классику русской и мировой литературы, и на этом поставил точку, отдаваясь в большей мере другим, далёким от литературы занятиям на дипломатическом поприще? Исчерпались ли его творческие силы? Или этой комедией он исчерпал всё, что хотел сказать русскому человеку о времени и о себе?

На эти вопросы нет однозначного ответа. Хотя напрашивается один, связанный с самим характером русской литературы и культуры первой половины XIX века. Прежде всего, в русских писателях этого времени поражает широта творческих интересов и какой-то человеческий универсализм. Иногда он целиком реализуется в художественном творчестве, а порой выходит далеко за его пределы. Лермонтов, например, был не только поэтом и прозаиком, но ещё и подающим надежды художником-живописцем, о чём свидетельствуют дошедшие до нас его пейзажи и портреты. О том, что Пушкин был замечательным рисовальщиком, говорят его черновые рукописи. Не случайно Т.Г.Цявловская посвятила им специальную монографию «Рисунки Пушкина».

Но Грибоедов даже на этом фоне поражает своим энциклопедизмом и редкостной широтой занятий и увлечений, далеко уводящих порой автора «Горя от ума» от интересов литературных. Природа одарила Грибоедова, по его собственным словам, «ненасытимостью души», «пламенной страстью к новым вымыслам, к новым познаниям, к перемене места и занятий, к людям и делам необыкновенным». По широте духовных запросов и энциклопедических познаний это был человек, напоминающий тип людей эпохи западноевропейского Возрождения. В университете он изучает греческий и латинский языки, позднее обучится персидскому, арабскому и турецкому. В нём просыпается ещё и дар музыканта: Грибоедов играет на фортепиано, органе и флейте, изучает теорию музыки и занимается сочинением её. Многие затерялись, но сохранились два вальса, ему при-

М.Д.Резваго. А.С.Грибоедов. 1825

надлежащие. Музыкальные способности Грибоедова восхищали многих современников, его талант высоко ценил М.И.Глинка. Наконец, это Божией милостью дипломат, искусными усилиями которого был заключён с Персией мирный договор на чрезвычайно выгодных для России условиях. Глубина и широта знаний Грибоедова в разных отраслях наук поражала многих его современников. Окончив в числе первых учеников Московский университетский благородный пансион, одиннадцатилетний Александр стал студентом словесного отделения философского факультета Московского университета. В 1808 году он получил звание кандидата словесных наук и перешёл на этико-политическое (юридическое) отделение, которое окончил через два года со званием кандидата прав. Но и на этот раз юноша остался в университете, чтобы продолжить изучение математических и естественных наук. За шесть с половиной лет Грибоедов прошёл курсы трёх факультетов Московского университета и в 1812 году готовился к экзаменам на получение учёной степени доктора юридических наук.

Отечественная война 1812 года круто изменила судьбу Грибоедова, навсегда оборва-

ла его мечты о поприще учёного. Добровольцем он вступает в действующую армию — корнетом Московского гусарского, а потом Иркутского полков. В военных походах ему участвовать не пришлось, но дух народной войны оказал решительное влияние на его мировоззрение. Лучшие люди из дворян поняли тогда, что истинным спасителем отечества, отстоявшим свободу и независимость России от иностранного порабощения, явился русский солдат. В ходе войны 1812 года они почувствовали себя частицей своего народа, приняли его дух, его интересы, надежды и чаяния.

Волею судеб Грибоедов оказался участником событий всемирно-исторического масштаба и значимости, которые раскрыли перед ним решающую роль народа в истории. Казалось, что победоносная война станет залогом национального единства. Однако эти ожидания не оправдались. Послевоенная ситуация ещё более обострила раскол внутри русского дворянства. Передовая его часть своим долгом считала отстаивание народных интересов, но основная — замкнулась в сословном кругу. Раскол этот прошёл через семьи, нарушая родственные связи. Декабрист И.Д.Якушкин поведал о ссоре, которая произошла у него с родным дядей. «Имея полное убеждение, что крепостное состояние — мерзость, я был проникнут чувством прямой моей обязанности освободить людей, от меня зависящих. Моё предложение дядя выслушал даже без удивления, но с каким-то скорбным чувством; он был уверен, что я сошёл с ума»¹.

В 1816 году Грибоедов выходит в отставку, приезжает в Петербург и определяется на службу в Коллегию иностранных дел, встречаясь здесь с А.С.Пушкиным и В.К.Кюхельбекером. Большинство друзей Грибоедова этих лет — декабристы, члены Союза спасения, а потом — Союза благоденствия. К их числу принадлежат друг Грибоедова С.Н.Бегичев, известный поэт П.А.Катенин.

В 1818 году в жизни Грибоедова случается неожиданный поворот. За участие в качестве секунданта в дуэли, закончившейся гибелью одного из участников, его высылают из Петербурга, назначив секретарём русской дипломатической миссии в Персии. Об этом событии Пушкин писал: «Жизнь Грибоедова была

затемнена некоторыми облаками: следствие пылких страстей и могучих обстоятельств. Он почувствовал необходимость расчехиться единожды навсегда со своею молодостию и круто поворотить свою жизнь. Он простился с Петербургом и с праздной рассеянностью, уехал в Грузию, где пробыл восемь лет в уединённых, неусыпных занятиях².

Здесь неточно лишь одно: два с половиной года он провёл в Персии, где собирал сведения по истории, этнографии и экономике Востока, изучал персидский и арабский языки, объездил всю страну, шуточно называя себя «секретарём бродящей миссии». Проявив незаурядные дипломатические способности, он освободил из персидского плена целую колонию русских солдат и сопроводил их на родину.

«Разнообразные группы моего племени, я Авраам... Отправляемся; камнями в нас швыряют, трёх человек зашибли. Песни: «Как за реченькой слободушка», «В поле дороженька», «Солдатская душечка, задушевный друг». Воспоминания. Невольно слёзы накапались на глаза.

«Спевались ли вы в батальоне?» — «Какие, ваше благородие, песни? Бывало, пьяные без голоса, трезвые о России тужат». — Сказка о Василье-царевиче — шёлковые повода, конь золотогривый, золотохвостый, золотая сбруя, золотые кисти по земле волочатся, сам богатырь с молодецким посвистом, с богатырским покриком, в вицмундире, с двумя кавалериями, генерал-стряпчий, пироги собирает, и проч. и проч. «Слышал, сказывает, — кто?» — «Так сказывает Скворцов, что в книжке не сложится, человек письменный»³ — вот характерные записи Грибоедова из путевого дневника об «умном и бодром» русском народе.

Литературные занятия давно отошли на второй план, уступили место суровой жиз-

ненной школе в чужой стране, среди враждебного народа. «Хлопоты за пленных. Бешенство и печаль. <...> Голову мою положу за несчастных соотечественников» [2, 148], — утверждает Грибоедов в своём дневнике. Из глубины жизни, далёкой от Петербурга, многое в столице видится иначе.

В конце 1821 года Грибоедов добивается перевода в Тифлис на должность секретаря по дипломатической части при главноуправляющем Грузией А.П.Ермолове. Боевой генерал суворовской школы, герой Бородина и Кульма, человек независимого ума и сильного характера, горячий противник аракчеевщины, Ермолов популярен в передовых кругах русского офицерства. Декабристы предполагают ввести его в состав временного правительства в случае победы готовящегося восстания. Ермолов дорожит своей репутацией и охотно берёт в штаб оппозиционно настроенную молодёжь.

После долгих лет одиночества Грибоедов попадает в многолюдный город с центром живой общественной мысли при штабе Ермолова. Здесь он снова встречается с В.К.Кюхельбекером и тесно сближается с ним на почве пробудившихся литературных интересов. Кюхельбекеру он читает два первых акта из комедии «Горе от ума». Но для окончательного завершения долго вынашиваемого замысла требуются уединение и свобода от обременительных служебных забот.

В середине 1823 года Грибоедов добивается у Ермолова разрешения на длительный отпуск, который он проводит сначала в селе Дмитровском Тульской губернии, в имении своего друга С.Н.Бегичева. Здесь Грибоедов пишет два последних акта комедии. Затем он едет в Москву, посещает родных и знакомых, ведёт жизнь светского человека, наблюдает за бытом дворянского общества, вносит поправки в комедию. В июне 1824 года

Грибоедов переезжает в Петербург и поселяется на квартире своего родственника, активного участника декабристского движения А.И.Одоевского. Он посещает «русские завтраки» Рылеева, в альманахе «Полярная звезда» печатает вольный перевод из «Фауста» Гёте.

К осени 1824 года он заканчивает работу над комедией, и её ждёт неслыханный успех. Рукопись «Горя от ума» рвут на части. На квартире у Одоевского его друзья-декабристы с помощью нанятых переписчиков под диктовку размножают комедию, рассчитывая использовать её в пропагандистских целях во время намеченных поездок в провинцию.

Грибоедов читает комедию на многочисленных собраниях литераторов. Стихи подхватываются на лету и входят в повседневный обиход. Сбывается предсказание Пушкина, который, познакомившись с комедией «Горе от ума» в Михайловском, сказал: «О стихах я не говорю, половина — должны войти в пословицу»⁴.

Казалось бы, Грибоедову выпало счастье сиять в лучах славы. Однако его письма, дневниковые заметки, воспоминания современников показывают обратное, что чем громче восторги, чем шумнее слава, тем грустнее и тягостнее становится настроение Грибоедова. Петербург кипит и шумит: восстание декабристов не за горами. А Грибоедов пишет ссыльному Катенину в Костромскую глушь: «Милый, любезнейший друг, не тужи, право не о чём и не об ком. Тебе грустить не должно, все мы здесь ужаснейшая дрянь! Боже мой! когда вырвусь из этого мёртвого города!» [2, 234]. В день своего рождения, 4 января 1825 года, Грибоедов, обращаясь к Бегичеву, говорит: «Вчера я обедал со всею сволочью здешних литераторов. Не могу пожаловаться, отовсюду коленопреклонения и фимиам, но вместе с этим сытость от их дурачества, их сплетен, их мишурных талантов и мелких душишек. Не отчаивайся, друг почтенный, я ещё не совсем погряз в этом трясином государстве. Скоро отправлюсь и надолго» [2, 237].

Летом 1825 года Грибоедов прерывает свой отпуск и направляется на Кавказ окольным путём через Киев и Севастополь. Подобно пушкинскому Онегину, им «овладело беспокойство, охота к перемене мест». «Бедное человечество! — восклицает он в письмах к друзьям. — Что наши радости и что печали!» [2, 243]. Состояние русского общества его удручает. Из Киева он пишет: «Сам я в древнем Киеве; надыхался здешним воздухом и скоро еду далее. Здесь я пожил с умершими: Владимиром, Изяславом совершенно овладели моим воображением; за ними едва вскользь заметил я настоящее поколение; как они мыслят и что творят — русские чиновники и польские помещики, Бог их ведаёт» [2, 245—246].

«А мне между тем так скучно! так грустно! думал помочь себе, взялся за перо, но пишется нехотя, вот и кончил, а всё не легче, — исповедуется он Бегичеву из Феодосии. — Прощай, милый мой. Скажи мне что-нибудь в отраду, я с некоторых пор мрачен до крайности. — Пора

Б.С.Земанков. Московский университетский благородный пансион, где в 1803—1804 годах учился Грибоедов. 1830-е годы

умереть! Не знаю, отчего это так долго тянется. Тоска неизвестная!» [2, 251—252].

В конце 1825 года Грибоедов возвращается на Кавказ. Здесь его и застают декабрьские события. Близость Грибоедова к вольнодумцам не остаётся тайной для правительства: в канцелярию Ермолова приходит предписание о его аресте. Под конвоем Грибоедова возвращают в Петербург. Четыре месяца его держат под арестом на гауптвахте Главного штаба. На допросах он категорически отрицает свою принадлежность к тайному обществу. Его показания подтверждают К.Рылеев, А.Бестужев и другие участники восстания. Власть снимают с Грибоедова обвинение и освобождают с восстановлением всех прав и должностных обязанностей. Но на сердце у автора «Горя от ума» всё та же неизбывная грусть: «...люди мелки, дела их глупы, душа черствеет, рассудок затмевается, и нравственность гибнет без пользы ближнему» [2, 272].

Очевидно, что источник этой грусти не связан непосредственно с крахом декабристского движения. Ещё в 1911 году знаток жизни и творчества Грибоедова Н.К.Пиксанов замечал: «По всему складу своего ума, скептического, пронизательного и холодного, он не мог разделять того увлечения, которое горячая волной охватывало Кюхельбекера, Одоевского, Рылеева. И мы знаем, что в то время, когда эта волна поднималась всё выше, личное настроение Александра Сергеевича становилось всё мрачнее. В 1824—1825 годах он духовно был совершенно чужд политическим интересам. <...> Биографическая традиция сохранила ироническую фразу Грибоедова, которую он, говорят, часто повторял смеясь: “Сто человек прапорщиков хотят изменить весь государственный быт в России”, — и другую, дружески резкую фразу по адресу декабристов и их иллюзий: “Я говорил им, что они дураки”». <...>

В то время, когда в Петербурге и Москве возникали тайные политические организации и в них горячо обсуждались вопросы о палатах депутатов (по-тогдашнему “камерах”), присяжном суде и других государственных учреждениях, — в те же дни в только что написанной художественной комедии пустой и пьяный болтун тоже гремел о “секретнейшем союзе”, “тайных заседаниях”, “о камерах присяжных”, о “радикальных лекарствах” и проч. Несомненно, сам Грибоедов и не думал сравнивать с Репетиловым лучших представителей общественного движения, из коих многих искренно любил и уважал. Но он видел “слабые, ребяческие стороны общества” декабристов, и это отразилось в “Горе от ума” монологами Репетилова⁵.

Грибоедов не пережил глубокого разочарования в печальных итогах восстания 14 декабря, которое испытали все участники заговора, потому что он никогда не был восстанием очарован. Источники скептицизма автора «Горя от ума» были гораздо более глубокими. Грибоедов коснулся их в очерке «Загородная поездка», в котором он рассказал о своём посещении Парголова летом 1826 года: «На высоты! на высоты! Подальше от шума, пыли, от

Неизвестный художник. Вид Московского университета до пожара 1812 года. Конец XVIII века

душного однообразия наших площадей и улиц. Куда-нибудь, где воздух реже, откуда груды зданий в неясной дали слились бы в одну точку, весь бы город представил из себя центр отменно мелкой, ничтожной деятельности, кипящий муравейник» [2, 80]. Таким видится Грибоедову чиновный Петербург, столица петровского периода русской истории, с Парголово-высот.

И вот здесь, на этих высотах, автор сталкивается с жизнью народа: «...вдруг послышались нам звучные плясовые напевы, голоса женские и мужские, с того же возвышения, где мы прежде были. Родные песни! Куда занесены вы с священных берегов Днепра и Волги? — Приходим назад; то место было уже наполнено белокуроими крестьяночками в лентах и бусах; другой хор из мальчиков; мне более всего понравились двух из них смелые черты и вольные движения. Прислонясь к дереву, я с голосистых певцов невольной свёл глаза на самих слушателей-наблюдателей, тот повреждённый класс полу-европейцев, к которому и я принадлежу. Им казалось дико всё, что слышали, что видели: их сердцам эти звуки невняты, эти наряды для них странны. Каким чёрным волшебством сделались мы чужие между своими! Финны и тунгусы скорее приемлются в наше братство, становятся выше нас, делаются нам образцами, а народ единокровный, наш народ разрознен с нами, и навеки! Если бы каким-нибудь случаем сюда занесён был иностранец, который бы не знал русской истории за целое столетие, он, конечно бы, заключил из резкой противоположности нравов, что у нас господы и крестьяне происходят от двух различных племён, которые не успели ещё перемешаться обычаями и нравами» [2, 81—82. — Здесь и далее курсив мой. — Ю.Л.]. За этой картиной скрывается горькая мысль Грибоедова о драматизме петербургского периода русской истории: «Возвратились опять в Пар-

голово; оттуда в город. Прежнюю дорогою, прежнее уныние. <...> И чем ближе к Петербургу, тем хуже: по сторонам предательская трава; если своротить туда, тинистые хляби вместо суши» [2, 82].

Автора «Горя от ума» преследовала мысль о коренной повреждённости дворянской прослойки русского общества, утратившей связи с родной землёй, с культурными устоями и верою народа. А.Н.Пыпин, опираясь на свидетельства друзей Грибоедова, замечал: «Любил он ходить в церковь. “Любезный друг, — говорил он, — только в храмах Божиих собираются русские люди, думают и молятся по-русски. В русской церкви я в отечестве, в России! Меня приводит в умиление, что те же молитвы читаны были при Владимире, Дмитрии Донском, Мономахе, Ярославе в Киеве, Новгороде, Москве; что то же пение одушевляло набожные души. Мы — русские только в церкви, а я хочу быть русским”»⁶.

Именно эта особенность душевного уклада Грибоедова, по мнению Н.К.Пиксанова, «мягким отблеском озаряла его суровые черты». В 1828 году Кюхельбекер в письме, посланном украдкой из Динабургской крепости, обращаясь к Грибоедову, сказал: «Прости! До свидания в том мире, в который ты первый заставил меня верить!» А в дневнике 1832 года Кюхельбекер замечал: «...он был, без всякого сомнения, смиренный и строгий христианин и беспрекословно верил учению св. Церкви...»⁷.

Глубокая и горячая вера Грибоедова чувствуется в письме его к дальнему родственнику графу И.Ф.Паскевичу, где он просит смягчить участь своего молодого друга Александра Одоевского, принимавшего участие в декабристском восстании: «Помогите, выручите несчастного Александра Одоевского. Вспомните, на какую высокую степень поставил вас Господь Бог. Конечно, вы это заслужили, но кто вам дал способности для таких заслуг? Тот самый, для Которого избавление

одного несчастного от гибели важнее грома побед, штурмов и всей нашей человеческой тревоги. <...> Сделайте это добро единственным, и оно вам зачтётся у Бога неизгладимыми чертами небесной Его милости и покровя. У Его престола нет Дибичей и Чернышёвых, которые бы могли затмить цену высокого, христианского, благочестивого подвига. Я видал, как вы усердно Богу молитесь, тысячу раз видал, как вы добро делаете. Граф Иван Фёдорович, не пренебрегите этими строками. Спасите страдальца» [2, 331—332].

Грибоедову суждено было убедиться, что такое пронзительное письмо не тронет вельможного барина и останется без последствий. Это было ещё одним подтверждением справедливости того диагноза, который автор «Горя от ума» ставил большому русскому обществу. Декабристы видели корни общественного зла в *государственном устройстве* России и надеялись на избавление от этого зла путём политического переворота. Грибоедов, по преданию, указывал на «*государственный быт*», перед которым окажутся бессильными дерзкие замыслы «100 прапорщиков». И «самовластье» верхов, и пороки крепостничества коренились, по Грибоедову, в *быту* служилой прослойки дворянского общества. Именно для того, чтобы продемонстрировать коренное бессилие декабристов, Грибоедов вывел своего умного и пылкого оратора-обличителя не на площадь, столкнул его в героической схватке не с политическими антагонистами, а увёл его в глубину повседневной жизни и поставил лицом к лицу с подлинным противником, силу которого декабризм не оценивал и не ощущал. Зло таилось, по Грибоедову, не в административном режиме, не в царизме как таковом: оно коренилось в нравственных устоях целого сословия, на котором стояла и из которого выростала российская государственность. И перед властной силой этих устоев просвещённый ум должен был почувствовать свою беспомощность.

Прежде всего заметим, что представители фамусовского общества далеко не простые патриархальные дворяне типа Ростовых Толстого или Лариных Пушкина. Это люди служилые, государственные чиновники, а их быт — тот самый «государственный быт», который решили опрокинуть романтически настроенные «прапорщики». В чём видят Фамусовы и Молчалины смысл своего существования? — «И награжденья брать, и весело пожить». Земные блага, мирские почести и чины — вот предмет их вождельных стремлений и мечтаний. Перед нами общество, сознательно нарушающее основную заповедь Спасителя: «Не можете служить Богу и маммоне. Посему говорю вам: не заботьтесь для души вашей, что вам есть и что пить, ни для тела вашего, во что одеться. Душа не больше ли пищи, и тело — одежды? <...> Потому что всего этого ищут язычники, и потому что Отец ваш Небесный знает, что вы имеете нужду во всём этом. Ищите же прежде Царства Божия и правды Его, и это всё приложится вам» [Матф., Гл. 6, ст. 24—25, 32—33]. В фамусовском мире люди повседневно заботят-

ся о том, что враждебно душе, а потому это люди, потерявшие себя, живущие не собою, а химерами «чина», «богатства», «знатности».

Общество, находящееся в плену собственных пороков и низменных страстей, оказывается на редкость монолитным и прочным: люди, его составляющие, отнюдь не глупы и пороки их связаны не с невежеством в просветительском смысле этого слова, а с глубокой извращённостью всех духовных начал. Ум этих людей, гибкий, хитрый, изворотливый, умело обслуживает их низменные страсти и побуждения. Чацкий заблуждается, видя источник зла в том, что «начал мир глупеть». Причина глубже: она скрыта в человеческом оподлении.

Чацкий, пленённый любоначалием своего ума, назойливо и самоуверенно предаётся обличению «глупости» фамусовской Москвы, самоупоённо громит «век минувший» бичующими монологами. Он ничуть не сомневается в своей правоте, в просветительской силе человеческого ума перед непросвещённой глупостью. И хотя он говорит дело, хотя побуждения его благородны, а обличения — истинны, трудно отделаться от ощущения, что сам-то носитель этих благородных побуждений и нелицеприятных истин пребывает в состоянии горделивого самоослепления. Как он плохо чувствует собеседника, как он слеп по отношению к любимой девушке, к её жестам, к её мимике, как глух к её интонациям, к её душевному настрою! Порою кажется, что Чацкий способен слышать только самого себя: с таким трудом ему открываются самоочевидные истины.

С другой стороны, бессильными окажутся попытки Софьи внести в это общество сентиментально-мечтательное, сердечное начало. Чацкий и Софья, при всех достоинствах их характеров, остаются детьми тяжело больного общества, неспособными справиться с его болезнями. Именно потому «Горе от ума» — *комедия*. Комический элемент в ней является определяющим и формирующим сюжет, взаимоотношения всех действующих лиц, от главных до второстепенных. В центре комедии, конечно, окажется судьба Чацкого, вынесенная даже в её заглавие.

Примечательно, что сперва Грибоедов назвал своё произведение «Горе уму», где «ум» страдал, терпя от враждебной ему «глупости». Изменив название на «Горе от ума», писатель сместил акценты на качество самого ума Чацкого, явившегося, по-видимому, причиной его поражения. В результате Грибоедов поднялся над своим героем, объективировал его в живой образ человека со своей силой и своими слабостями. Ум Чацкого подвергся исторической оценке. Грибоедову удалось создать реалистический образ человека — носителя гражданского романтического мироощущения, свойственного деятелям русского декабризма. Чацкий-романтик изображается в комедии Грибоедова глазами писателя-реалиста.

Такое стало возможным потому, что Грибоедов, сочувствуя декабристам, в своём мироощущении вышел за рамки узкого ро-

мантического мировоззрения. Его скептический взгляд на усилия «ста прапорщиков», вытекающий из трезвой оценки культурной дворянской прослойки, открыл перед ним простор для реалистического изображения романтической коллизии. Трагическая в субъективном восприятии Чацкого, она приобретает комедийную окраску в трезвом взгляде реалиста Грибоедова.

Большинство недоразумений в понимании «Горя от ума» читателями, зрителями, критиками и режиссёрами было связано с отождествлением характера декабриста-Чацкого с мировоззрением его автора — Грибоедова. Когда декабристы рукоплескали автору после чтения комедии, когда на квартире Александра Одоевского составляли при нём списки комедии для использования её в своих политических целях, Грибоедов не мог не испытывать досады от неверного понимания его замысла, от эстетической глухоты его поклонников.

Чацкий, будучи пленником своего ума, вопреки очевидным фактам и недвусмысленным признаниям Софьи, не может допустить, чтобы она предпочла ему «глупого» Молчалина. Даже прямые уколы в свой адрес Чацкий не в состоянии принять за истину. Умный герой думает, что Софья вкладывает в свои слова иронический смысл, что её похвалы Молчалину — издёвка, «сатира и мораль», что «она не ставит в грош его». «Софья расхваливает Молчалина, а Чацкий убеждается из этого, что она его и не любит и не уважает... Догадли!.. — потешается Белинский. — Где же ясновидение внутреннего чувства?..»⁸ Такого «ясновидения» умный Чацкий действительно лишён!

Так по мере развития действия Чацкий с умом незаурядным, но переоценивающим свои возможности, всё чаще и чаще попадает в трагикомические ситуации. Вот он, возмущённый преклонением дворянского общества перед иностранцами, произносит, обращаясь к Софье, свой знаменитый монолог о «французике из Бордо», многие афоризмы из которого вошли в пословицу:

*Я одаль вощылял желанья
Смиранные, однако вслух,
Чтоб истребил Господь нечистый этот дух
Пустого, рабского, слепого подражания...*
[1, 140].

Мысли, которые так страстно высказывает здесь Чацкий, разделяли его друзья-декабристы. В уставе Союза благоденствия в обязанность членам тайного общества вменялось «наблюдать за школами, питать в юношах любовь ко всему отечественному». Да и сам Грибоедов вместе с героем включает в этот монолог свой авторский, лирический голос. Но к месту ли, ко времени ли сейчас эти обличения, эти речи на балу перед Софьей с её недоброжелательным отношением к Чацкому, в окружении многочисленных гостей, занятых картами и танцами? Увлекался, Чацкий не замечает, что Софья покинула его, что он произносит свой монолог... в пустоту!

И он осмелится их гласно объявлять,
Глядь...

(Оглядывается, все в вальсе кружатся с
величайшим усердием. Старики разбрелись
к карточным столам.) [1, 141].

Но ведь тут лишь повторяется то, что слу-
чается с Чацким часто, о чём он только что
сетовал:

Я, рассердясь и жизнь кляня,
Готовил им ответ громовый;
Но все оставили меня. —
Вот случай вам со мною, он не новый...
[1, 140].

Ещё при жизни Грибоедова, в конце янва-
ря 1825 года, в письме А.С.Пушкина к А.А.Бес-
тужеву из Михайловского была высказана та-
кая точка зрения относительно Чацкого: «В ко-
медии “Горе от ума” кто умное действующее
лицо? ответ: Грибоедов. А знаешь ли, что
такое Чацкий? Пылкий и благородный моло-
дой человек и добрый малый, прошедший не-
сколько времени с очень умным человеком
(именно с Грибоедовым) и напивавшийся его
мыслями, остротами и сатирическими за-
мечаниями. Всё, что говорит он, — очень
умно. Но кому говорит он всё это? Фамусову?
Скалозубу? На бале московским бабушкам?
Молчалину? Это непростительно. Первый при-
знак умного человека — с первого взгляду
знать, с кем имеешь дело и не метать бисера
перед Репетиловыми и тому подобными»⁹.

Но ведь в такой же трагикомической си-
туации оказывается в «Горе от ума» и Софья.
Это девушка умная, независимая и наблюда-
тельная. Она возвышается над окружающей
её светской средой. В отличие от сверстниц
она не занята погоней за женихами, не доро-
жит общественным мнением, умеет постоять
за себя:

А кем из них я дорожу?
Хочу люблю, хочу скажу. <...>
Да что мне до кого? до них? до всей вселенны?
Смешно? — пусть шутят их; досадно? —
пусть бранят.
[1, 101].

Мы знаем, что в отсутствие Чацкого она
много читала. «Всю ночь читает небылицы, /
И вот плоды от этих книг!» [1, 64] — сетует
Фамусов. Это были сентиментальные рома-
ны, признаки увлечения которыми просту-
пают в придуманном Софьей сне:

Позвольте... видите ль... сначала
Цветистый луг; и я искала
Траву
Какую-то, не вспомню наяву.
Вдруг милый человек, один из тех, кого мы
Увидим — будто век знакомы,
Явился тут со мной; и вкрадчив, и умён,
Но робок... знаете, кто в бедности рождён...
[1, 66].

Софья намекает здесь на сюжет романа
«Юлия, или Новая Элоиза» Жан-Жака Руссо:

Н.В.Кузьмин. Чацкий. 1952

богатая Юлия, влюблённая в бедного учителя
Сен-Пре; родовые предрассудки, препят-
ствующие браку и семейному счастью влюб-
лённых. В одном из писем Юлия обращается
к Сен-Пре: «...Захотелось побродить по ро-
щицам, неподалёку от нашего дома. О же-
ланый друг! Я и тебя повела с собою — вер-
нее, унесла в душе твоей образ: я выбирала
места, которые мы посетим вдвоём, я облю-
бовывала уголки, достойные приютить нас;
сердце у нас заранее переполнялось востор-
гом в очаровательных приютах уединения,
где ещё упоительней становилась радость
нашей встречи; они же, в свою очередь, де-
лались ещё краше, дав убежище двум истин-
но любящим сердцам, и я дивилась тому, как
же я до сих пор не примечала тех красот, ко-
торые обрела, оказавшись там вместе с то-
бою!»¹⁰.

Сен-Пре отвечает Юлии: «Я всякий раз
боюсь коснуться вашей руки; не знаю отчего,
но наши руки всегда встречаются. Стоит вам
дотронуться до моей руки, и я вздрагиваю; от
этой игры меня бросает в жар, вернее — я
лишаюсь рассудка; ничего уже не вижу, ниче-
го не чувствую и, охваченный испуганием,
не знаю, что делать, что говорить, куда бе-
жать, как сохранить власть над собой»¹¹.

Историю любви Юлии и Сен-Пре Софья
переносит на себя и Молчалина, воображая
его, «рождённого в бедности», героем сенти-
ментального романа. Умный Молчалин сме-
кает и включается в игру воображения этой,
по его словам, «плачевной крали», надевает
маску сентиментального влюблённого:

Возьмёт он руку, к сердцу жмёт,
Из глубины души вздохнёт. [1, 71].

Погружаясь в мир сентиментальных ро-
манов, Софья перестаёт ценить и понимать
ум Чацкого. Сравнивая свой идеал влюблён-
ного человека с Чацким, она говорит:

Конечно, нет в нём этого ума,
Что гений для иных, а для иных чума,
Который скор, блестящ и скоро опровергит,
Который свет ругает наповал,
Чтоб свет о нём хоть что-нибудь сказал;
Да эдакий ли ум семейство осчастливит?
[1, 109].

Так Софья ускользает от Чацкого в мир
чуждой ему «карамзинской» культуры, в мир
Ричардсона и Руссо, Карамзина и Жуков-
ского. Романтическому уму она предпочи-
тает чувствительное сердце. Чацкий и
Софья, лучшие представители своего поко-
ления, олицетворяют два полюса русской
культуры 1810—1820-х годов: активный
гражданский романтизм декабристов (Чац-
кий) и поэзию чувства и сердечного вообра-
жения «карамзинистов» (Софья). И нельзя
не заметить, что судьба Софьи столь же
трагикомична, как и судьба Чацкого. Оба ге-
роя-романтика в освещении Грибоедова-
реалиста терпят сокрушительное пораже-
ние, сталкиваясь с реальной сложностью
жизни. И причины этого поражения сходны:
если у Чацкого ум с сердцем не в ладу, то у
Софьи — сердце с умом. Обращаясь к Чац-
кому в финале комедии, Софья «вся в сле-
зах» говорит о Молчалине:

Не продолжайте, я виню себя кругом.
Но кто бы думать мог, чтоб был он так коварен!
[1, 160]

А Чацкий, обрекая себя на участь «вечно-
го скитальца», бросает под занавес:

Вон из Москвы! сюда я больше не езду.
Бегу, не оглянусь, пойду искать по свету,
Где оскорблённому есть чувству уголок! —
Карету мне, карету! [1, 163].

Можно ли считать, что Чацкий покидает
фамусовскую Москву как победитель? Каж-
ется, что нет... Впрочем, Гончаров считал
иначе: «Чацкий сломлен количеством старой

Н.В.Кузьмин. Софья. 1952

силы, нанеся ей в свою очередь смертельный удар качеством силы свежей.

Он вечный обличитель лжи, запрятавшейся в поговорку: «один в поле не воин». Нет, воин, если он Чацкий, и притом победитель, но передовой воин, застрельщик и — всегда жертва¹².

«Горе от ума» явилось произведением, вынашиваемым автором на протяжении многих лет. После завершения работы наступила душевная усталость. Много сил отбирало участие в русско-персидской войне, закончившейся выгодным для России подписанием Туркманчайского мирного договора, достигнутым благодаря дипломатическому искусству Грибоедова. Он был лично принят государем Николаем I, награждён и назначен в Персию полномочным министром. По пути в Тегеран Грибоедов женился в Тифлисе на дочери известного поэта, классика грузинской литературы Нине Чавчавадзе.

«Не знаю ничего завиднее последних годов бурной его жизни, — сказал Пушкин. — Самая смерть, постигшая его посреди смелого, неровного боя, не имела для Грибоедова ничего ужасного, ничего томительного. Она была мгновенна и прекрасна» [6, 668]. 30 января (11 февраля) 1829 года Грибоедова вместе с другими членами русского посольства убила в Тегеране взбунтовавшаяся толпа. Тело его было доставлено в Тифлис и погребено в монастыре Св. Давида на крутом склоне горы Мтацминда. На скульптурном памятнике, который Нина Александровна поставила на могиле мужа, начертаны слова: «Ум и дела твои бессмертны в памяти русской, но для чего пережила тебя любовь моя!»

«Я познакомился с Грибоедовым в 1817 году, — писал Пушкин. — Его меланхолический характер, его озлобленный ум, его

добродушие, самые слабости и пороки, неизбежные спутники человечества, — всё в нём было необыкновенно привлекательно. Рождённый с честолюбием, равным его дарованиям, долго был он опутан сетями мелочных нужд и неизвестности. Способности человека государственного оставались без употребления; талант поэта был не признан; даже его холодная и блестящая храбрость оставалась некоторое время в подозрении. <...>

Как жаль, что Грибоедов не оставил своих записок! Написать его биографию было бы делом его друзей; но замечательные люди исчезают у нас, не оставляя по себе следов. Мы ленивы и нелюбопытны...» [6, 667—668].

Пушкин написал эти слова в очерке «Путешествие в Арзрум во время похода 1829 года». Поводом к ним явилось трагическое обстоятельство. На границе Грузии с Арменией Пушкин встретил арбу, запряжённую двумя волами. Несколько грузин сопровождали её. «Откуда вы?» — спросил Пушкин. — «Из Тегерана». — «Что вы везёте?» — «Грибоеда». — Это было тело убитого Грибоедова, которое препровождали в Тифлис» [6, 666].

В нескольких строках Пушкин передал драму жизни Грибоедова — глубочайшее противоречие между безграничными возможностями его таланта и скудной, далеко не полной их реализацией. «Несколько друзей знали ему цену и видели улыбку недоверчивости, эту глупую, несносную улыбку, когда случалось им говорить о нём как о человеке необыкновенном» [6, 667].

Начало XIX века, озаменованное высоким подъёмом всех национальных сил, особенно ярко выявило разрушительные последствия коренного русского порока — небрежного отношения общества к национальным дарованиям. В стихах «К портрету Чаадаева»,

написанных в конце 1810-х годов, Пушкин с горькой иронией сказал:

*Он вышней волею небес
Рождён в оковах службы царской;
Он в Риме был бы Брут, в Афинах Периклес,
А здесь он — офицер гусарский [1, 414].*

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 ЯКУШКИН И.Д. Записки, статьи, письма. — М., 1951. — С. 11—12.
- 2 ПУШКИН А.С. Полн. собр. соч.: В 10 т. — М., 1964. — Т. 6. — С. 668. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте с указанием тома и страницы.
- 3 ГРИБОЕДОВ А.С. Соч. в 2 т. — М., 1971. — Т. 2. — С. 152, 151. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте с указанием тома и страницы.
- 4 ПУШКИН А.С. Полн. собр. соч. (Юбилейное) — М., 1937. — Т. 13. — С. 139.
- 5 ПИКСАНОВ Н.К. А.С. Грибоедов. Биографический очерк // Полн. собр. соч. А.С. Грибоедова: В 3 т. — СПб., 1911. — Т. 1. — С. СХХ—СХХI.
- 6 См.: ПЫШИН А.Н. Исторические заметки о Грибоедове // Вестник Европы. — 1890. — № 1. — С. 185—224.
- 7 Цит. по: ПИКСАНОВ Н.К. А.С. Грибоедов. Биографический очерк // Полн. собр. соч. А.С. Грибоедова: В 3 т. — СПб., 1911. — Т. 1. — С. СХIII—СХIV.
- 8 БЕЛИНСКИЙ В.Г. Собр. соч. в 9 т. — М., 1977. — Т. 3. — С. 235.
- 9 ПУШКИН А.С. Полн. собр. соч. (Юбилейное) — М., 1937. — Т. 13. — С. 138.
- 10 РУССО Ж.-Ж. Юлия, или Новая Элоиза // Электронный ресурс <http://lib.rus.ec/b/210348/read>
- 11 Там же.
- 12 ГОНЧАРОВ И.А. Собр. соч. в 6 т. — М., 1972. — Т. 6. — С. 407.

ФЁДОРОВ Алексей Владимирович —

кандидат филологических наук, заведующий редакцией литературы издательства «Русское слово», г. Москва
fedorov@russlo.ru

ДАР КАК ОТВЕТСТВЕННОСТЬ

ПОВЕСТЬ Н.В.ГОГОЛЯ «ПОРТРЕТ»

Аннотация. Автор рассматривает повесть Н.В. Гоголя «Портрет» как ключевое произведение писателя, содержащее ответы на важнейшие вопросы, связанные с понятиями свободы выбора, искушения, греха и наказания, дара и ответственности, духовного и материального.

Ключевые слова: социальный и духовный аспекты интерпретации литературного произведения, тема дара как ответственности, сюжетный мотив грехопадения и воздаяния, религиозный смысл творчества, романтизм.

Abstract. The author considers the story "The Portrait" by N.V. Gogol as a key work of the writer, containing answers to the important questions related to the concepts of freedom of choice, temptation, sin and punishment, the gift and responsibility of the spiritual and the materialistic.

Tags: social and spiritual aspects of the interpretation of a literary work, the theme of the gift as liability, plot motif of fall and retribution, religious meaning of creativity, romance.

Наверное, у каждого писателя есть своё заветное творение. Оно не обязательно самое масштабное, или самое глубокое, или самое знаменитое. Заветное — особенное, сокровенное. Автопортрет. Его создаёт художник, чтобы понять себя, и завещает его нам как волшебный ключ от дверей своего творческого мира. У великого русского художника слова Николая Васильевича Гоголя такое ключевое произведение — повесть «Портрет».

Она была написана в 1835 году и вошла в состав сборника «Арабески». Но позднее, в 1842 году, автор возвращается к ней и вносит существенные изменения; так рождается вторая и окончательная редакция повести. Эти семь лет — центральные в творческой биографии писателя, и работа над «Портретом» отразила напряжённые размышления Гоголя о собственном предназначении и ответственности за талант. Здесь «встрети-

лись» и получили осмысление главные проблемы, волновавшие его как художника.

Из «Вечеров на хуторе близ Диканьки» пришёл сюжетный мотив сделки с нечистой силой, которая испытывает душу незаслуженными дарами. Два варианта разрешения конфликта «человек и чёрт» открываются нам в «Вечере накануне Ивана Купалы» и в «Ночи перед Рождеством». Уже своими «праздничными» названиями рассказы словно спорят